

STUDIA IDENTITATIS

Н. Пушкарева
А. Белова
Н. Мицюк

Сметая запреты

Очерки русской
сексуальной культуры
XI–XX веков

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЗРЕНИЕ

2025

УДК 305-055.2(091)(47+57)

ББК 60.561.54

П91

Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет Международной федерации
исследователей женской истории

Рецензенты: М. М. Керимова, доктор исторических наук,
О. Е. Казьмина, доктор исторических наук

Рекомендовано к печати Ученым советом ФГБУН Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской
академии наук, печатается по Программе НИР ИЭА РАН

Редактор серии М. Нестеренко

П91 Пушкарева, Н.; Белова, А.; Мицюк, Н.

Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков.
Коллективная монография. — 2-е изд. — М.: Новое литературное
обозрение, 2025. — 504 с. (Серия «Studia Identitatis»)

ISBN 978-5-4448-2691-1

Сексуальная жизнь женщин всегда регламентировалась властными и общественными институтами, а отношение к ней многое говорит о нравах и культурных нормах той или иной эпохи и страны. Главный сюжет этой коллективной монографии — эволюция представлений о женской сексуальности в России на протяжении XI–XX веков. Описывая повседневность представительниц разных социальных групп, авторы обращаются к целому корпусу уникальных исторических источников: от церковных сборников наказаний (епитимий) до медицинских формуляров российских родильных домов, от материалов судебных дел до различных эгодокументов. По мнению исследовательниц, интимная сфера жизни связана не только внешними попытками цензурирования, но и ограничениями, которые люди устанавливают для себя сами. В чем было отличие полового воспитания дворянских мальчиков и девочек? Как общество на самом деле относилось к «несоблюдихам» — женщинам, не сохранившим девственности до брака? Как женщины в разное время пытались избежать беременности? Благодаря ответам на эти и другие вопросы мы можем не только понять сексуальную культуру прошлого, но и увидеть те траектории, по которым она будет развиваться в будущем. Авторы книги — А. Белова, Н. Мицюк и Н. Пушкарева, историки и антропологи, члены Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

УДК 305-055.2(091)(47+57)

ББК 60.561.54

В оформлении обложки использован рисунок К. Сомова из книги
Le Livre de la Marquise. Recueil de Poesie et de Prose. St.-Petersbourg,
R. Golike et A. Wilborg, 1918. Российская государственная библиотека.

© А. Белова, Н. Мицюк, Н. Пушкарева, 2021; 2025

© Д. Черногаев, дизайн серии, обложка, 2021

© ООО «Новое литературное обозрение», 2021; 2025

Оглавление

История сексуальной культуры в русской дореволюционной науке
(вместо предисловия) 8

Глава I (Пушкарева Н. Л.)

**Сексуальная культура допетровской России:
от греха к «удовольствию» (XI–XVII вв.) 19**

Глава II (Белова А. В.)

**Интимная жизнь русских дворянок
в XVIII — середине XIX века 57**

Контролируемая сексуальность: матери и дочери в российских
дворянских семьях в XVIII — середине XIX века 57

Девичество как этап жизненного цикла российских дворянок 57

Восприятие детства в контексте отношений матери и дочери:
соотношение материнской любви и власти матери 66

Сложности отделения от матери в период девичества: материнский
контроль за сексуальностью и социальное бессилие дочери 69

Конфликт идентичностей при переходе к «зрелости» дочери:
обретенная и обретаемая сексуальность
как пространство взаимных угроз 85

Контроль над женской сексуальностью в период взросления 92

Механизм социального конструирования гендера
в период девичества в контексте отношений
матери и дочери: выводы 112

Отчужденная сексуальность: сексуальная жизнь
замужних дворянок в XVIII — середине XIX века 114

Обретенная сексуальность: сексуальная жизнь
российских дворянок в XVIII — середине XIX века после брака . . . 173

Глава III (Мицюк Н. А.)

Сексуальная социализация и половое воспитание девочек в дворянских семьях во второй половине XIX — начале XX века	199
Сексуальная инфантильность девочек	202
Практики «обожания» девочек-подростков	224
Девичьи представления о супружестве, семейной жизни и материнстве	239
«Революция» в женском сексуальном просвещении и поведении в начале XX века	259

Глава IV (Пушкарева Н. Л.)

«Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты...»: отношение к теме сексуального в среде революционеров-демократов XIX века	270
--	-----

Глава V (Пушкарева Н. Л.)

Позорящие наказания за сексуальную несдержанность в русской деревне в XIX — начале XX века	281
«Прохудившиеся»: позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX — начала XX века	282
«Несоблюдихи»: позорящие наказания замужних женщин за сексуальную несдержанность в конце XIX — начале XX века ...	294

Глава VI (Мицюк Н. А.)

Рационализация сексуальности: медицинский, публицистический и феминистский дискурсы	310
Сокращение числа деторождений. Концепт «свободного материнства»	310
Повышение брачного возраста и сокращение числа деторождений в семьях горожан	312
Концепт «свободного материнства» в феминистском и медицинском дискурсах	320
Зарождение социалистической концепции материнства	338
Отказ от деторождения	343
Практики контроля над рождаемостью: аборт и контрацепция ...	352
Список сокращений	416
Примечания	418
Именной указатель (сост. Ольга Понизова)	488

Сексуальная культура допетровской России

от греха к «удовольствию»
(XI–XVII вв.)

Изучение сексуальной этики русских, особенно в ранний период — эпоху Средневековья и раннее Новое время, — долго не привлекало внимания российских историков и этнографов. Одним из препятствий было традиционное представление об асексуальности русской культуры и, следовательно, отсутствии самого предмета исследования. К этому добавлялись негласные идеологические запреты на любые публикации, имеющие отношение к эротике, в том числе на исследования исторические, философские и даже медицинские. Свою роль играл и официальный атеизм, мешавший появлению исследований по проблемам религиозной антропологии (в рамках которой и могли быть поставлены проблемы истории сексуальной этики, ведь православные тексты даже самого раннего времени так или иначе касались этой области межличностных отношений). Сами же деятели православной церкви тоже не спешили изучать те стороны эволюции православной концепции семьи и брака, которые касались интимных, чувственных переживаний.

Да что и говорить об историко-сексологической проблематике, если в российской историографии советского времени исследования быта и повседневности допетровской России можно было сосчитать по пальцам, если изучению динамики эволюции форм и типов семейной организации у русских в X–XVII веках оказались посвящены лишь несколько небольших статей! Специалисты-источниковеды, разумеется, знали,

что причиной отсутствия исследований по проблемам сексуальной этики православия и, шире, проблем истории повседневности, религиозной антропологии является вовсе не бедность источников. Хотя на первый взгляд, действительно, в отличие от индийской традиции, подарившей миру «Камасутру», или западноевропейского культа Прекрасной Дамы, оставившего мировой литературе лирику трубадуров, — в этико-культурном наследии допетровской России описаний того, как любили наши предки, казалось бы, совсем не было. В древнерусских литературных памятниках отсутствовали эротически окрашенные образы и сюжеты, так что даже русское народное устно-поэтическое творчество, да и сказки (вплоть до конца XVIII столетия) наполнены скорее эвфемизмами, нежели описаниями откровенных сцен.

Как складывалось такое «лица необщее выражение» русской культуры? Что лежало в основе ее труднообъяснимой сексофобии, сохранявшейся несколько столетий? Действительно ли интимно-физиологические стороны жизни людей считались в ней малозначительными? Как и когда возникла лингвистическая ситуация, при которой все, что связано с сексуально-чувственными, телесными переживаниями, оказалось в самом языке практически «неназываемым», за исключением медицинских терминов или инвективной, обценной лексики? Даже задумываться об этом долгое время негласно считалось «ненаучным».

В начале 1990-х, когда прежние идеологические препоны разрушились, исследователи истории семьи, быта, культуры не только признали необходимость изучения историко-сексологических сюжетов, но и начали поиск необходимых источников. Это заставило их обратить внимание на существование в рукописном наследии допетровской России некоторых сравнительно малоиспользуемых памятников церковного происхождения X–XVII веков — требников, молитвенников, сборников епитимий, исповедных вопросов и проповедей, дидактических текстов¹. Многие из этих памятников до сих пор не опубликованы и потому малоизвестны. Однако именно в них традиционно содержались особые разделы, в которых формулировались запретительные нормы сексуального поведения.

Авторы и составители этих дидактических сборников — знатоки норм канонического права, касавшихся интимной жизни людей, — считали своей задачей закрепление в сознании пастырей определенных правил, преступление которых означало бы прямой конфликт с Богом и церковью. Скрупулезный анализ этих памятников, сопоставление ранних списков с поздними, выявление локальных особенностей православных этических проповедей, касающихся сексуального поведения, способны раскрыть степень «усвояемости» этических норм, определить силу и форму сопротивления им, найти корни социально-психологических стереотипов маскулинности и феминности в русской культуре.

Изучение канонических текстов допетровской России под углом зрения исторической сексологии было впервые апробировано в 1980-е годы². До этого времени исследования по проблемам славянской этносексологии в российской и зарубежной историографии (а они очень немногочисленны) охватывали лишь некоторые стороны сексуального поведения российских крестьян прошлого века и были созданы на этнографических материалах XIX — начала XX века³. Между тем результаты исследований по истории сексуальности в средневековой Московии и России раннего Нового времени оказались небезразличными для многих специалистов. Ими заинтересовались демографы, фамилисты (специалисты по истории семьи), социологи, социопсихологи, а также историки, интересующиеся динамикой социокультурных изменений в истории русских женщин. Сейчас эту междисциплинарную научную проблему можно считать уже признанной в российской историографии, хотя три десятилетия назад она считалась почти столь же «периферийной», как и славянская этносексология. Без понимания роли сексуальной этики в культуре православия, без определения ее характера и факторов, воздействовавших на возникновение тех или иных поведенческих или психологических стереотипов, без попытки сопоставить «норму» и «действительность», демографические (сексуальные в том числе) представления и демографическое (сексуальное) поведение — общая картина социального и семейного положения

русских женщин в допетровскую эпоху оказалась бы обедненной и неполной.

Отсутствие долговременной историографической традиции, недостаток источников (которых даже чисто количественно сохранилось меньше, чем в Западной Европе) создают несомненные сложности в разработке проблем истории сексуальной этики в контексте истории женщин в России. Исследователь принужден оперировать лишь косвенными свидетельствами, становясь — если воспользоваться сравнением одного из мировых авторитетов в исследовании истории повседневности, французского исследователя Ж. Дюби — «искателем жемчуга, пытливейшим охотником за конкретными, мельчайшими деталями»⁴. Из этих-то разрозненных деталей и приходится составлять более или менее цельную картину.

* * *

Сексуальное поведение древних русов, все их изменчивые переживания, оценки, восприятия (все то, что относят к ментальности — неотрефлексируемым сознанием жизненным установкам, определяющим поведение представителей разных этносов и социальных групп, в том числе женщин), как и вся их частная, домашняя жизнь и повседневный быт в целом определялись в X–XVII веках двумя главными доминантами. Одной из них были традиции, ритуалы и обычаи, связанные с воспроизводством себе подобных. Другой — с крещением Руси в 988 году стала этическая система православия, проводники и проповедники которой неустанно боролись за то, чтобы все вопросы, связанные с заключением брака, в том числе и с сексуальными контактами внутри и вне его, регулировались лишь нормами церковного права и постулатами православных дидактических сборников.

Существование двух доминант было далеко не идиллическим. Целью православных идеологов было скорейшее «единовластие» — то есть утверждение христианских этических норм, однако искоренение языческой свободы и раскрепощенности (особенно ярко заметных в сексуальных отношениях) происходило отнюдь не столь легко и просто, как того бы хотелось инициаторам культурного броска из варварства в цивилизацию.